

ФИЛОСОФИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КАК КРЕДО РУССКОГО ПАТРИОТА

Т.И. Зайцева

Новосибирский государственный
технический университет

tatyanazaiceva@mail.ru

В последнее время в современном российском дискурсе либерализму отведен маргинальный статус в силу его якобы чужеродности российскому цивилизационному коду. Сегодня в моде – консерватизм, который противопоставляется либерализму. Цель статьи – подчеркнуть, что одной из особенностей русского либерализма является наличие в его доктрине значительных консервативных элементов. В центре внимания автора – социально-философские воззрения Б.Н. Чичерина, одного из столпов отечественного либерализма, которому принадлежит разработка концепции «охранительного» либерализма. Суть данной концепции – в сочетании свободы и власти, прогресса и традиции. Чичерин делает акцент на свободе личности как фундаментальной ценности, являющейся необходимой основой истинного человеческого существования. Но в то же время он не считает государство и власть «злом», рассматривая их в качестве положительной ценности, являющейся, в свою очередь, важным условием осуществления свободы личности. В статье обосновывается положение о важности баланса между ценностями либерализма и консерватизма, который удерживает общество от крайностей.

Ключевые слова: свобода, власть, государство, либерализм, консерватизм, охранительный либерализм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-53-60

В современной России либерализму чуть ли не отказано в праве на существование, говорится о его смерти. Либеральные ценности рассматриваются как чужеродные, противоречащие русской ментальности, русскому цивилизационному коду. Слово же «либерал» вообще превратилось в бранное, критики либерализма и «справа» и «слева» обвиняют либералов чуть ли не во всех бедах и проблемах страны, называя их предателями и историческими врагами России. Сегодня в моде – традиционные ценности и связанный с ними консерватизм, рассматривающийся в качестве оппонента либерализма. При этом за ним фактически закреплена монополия на патриотизм.

А между тем история отечественной мысли демонстрирует нам прекрасный образец гармоничного синтеза либеральной и консервативной идей. Речь идет о консервативном или «охранительном» либерализме, который сумел соединить в своей программе разные полюса, представленные западниками и славянофилами, в целостную социально-философскую систему, обладающую ярко выраженной национальной спецификой, воплотившейся на рубеже XIX–XX веков в концепции «веховцев» [1].

Причем, что особенно важно подчеркнуть, и западники, и славянофилы не представляли собой единое мировоззренческое целое, сочетая элементы консерватиз-

ма и либерализма внутри собственных концепций. В этом смысле весьма примечателен давно идущий в нашей историографии спор об идейной принадлежности славянофилов. Так, например, если редактор и идейный вдохновитель сборника «Либерализм в России» В.Ф. Пустарнаков исключал славянофилов из либерального «лагеря» за их консерватизм [2, с. 149], то редактор обобщающей монографии по русскому консерватизму В.Я. Гросул не считал возможным включить их в ряды консерваторов за явно выраженный либерализм. В предисловии он называет центральную фигуру славянофильства – А. Хомякова – либералом, «в воззрениях которого можно обнаружить и некоторые зерна консерватизма», полагая, что только позднее славянофильство эволюционировало в сторону консерватизма [4, с. 21]. В то время как В.И. Приленский, автор статьи «Консерватизм» в словаре по русской философии, мировоззрение славянофилов рассматривает как «типичное консервативное мышление» [3, с. 235]. Подобные крайности говорят лишь об одном, а именно: о наличии в мировоззрении славянофилов как либеральных, так и консервативных компонентов.

Философское кредо «охранительного» либерализма, как и само понятие, сформулировал один из столпов отечественного либерализма, яркий представитель умеренного западничества Б.Н. Чичерин. Именно «охранительный», или консервативный, либерализм он считал истинным, противопоставляя ему так называемый «уличный», понимающий свободу как своеволие и вседозволенность – то, что он называл «казачеством», и «оппозиционный», для которого критика власти была самоцелью, трактующий свободу «с чисто отрицательной стороны» [9, с. 462–472].

Для Чичерина «уличное» понимание либерализма «скорее извращение, нежели проявление свободы» [Там же, с. 464], поскольку оно отвергает терпимость, не предполагает уважения к другому мнению, чужой мысли, человеческой личности вообще. Оппозиционный либерализм для него выражает лишь первоначальную степень свободы, дальше которой он не идет. Отсюда резко отрицательное отношение к государству и власти как таковой, которые рассматриваются исключительно как институты, ограничивающие свободу. Подобная позиция отражает непонимание связи личной свободы со свободой других, с историческими условиями, а также законами, установленными государством.

В основе теоретических построений Чичерина, как истинного либерала, лежала идея самоценности человеческой личности: «...человек – не средство для чужих целей, он сам абсолютная цель» [Там же, с. 463], составляющая фундамент общественного здания. Ибо «...общество людей – не стада бессловесных животных, которые вверяются попечению пастуха до тех пор, пока не поступают на убой. Цель человеческих союзов – благо членов, а не польза хозяина» [Там же, с. 463]. Истинную природу человека, – подчеркивал Чичерин, – составляет свобода, это «внутренняя движущая сила или идея», руководящая всей историей человечества [8, с. 384]. Он видит в свободе, трактуемой как источник внутреннего развития, прежде всего созидательное начало, выражающее человеческое достоинство и являющееся необходимым условием человеческого существования.

«Оппозиционному» же либерализму, по мысли Чичерина, свойственно представление о том, что свобода сама все расставит по своим местам, все наладит и устроит.

Изменение ради изменения, во имя пресловутого прогресса – вот его девиз; отсюда пренебрежение историческим прошлым, а зачастую правом и законом. С данной точки зрения, все новое – хорошо, а все старое – плохо, а потому требует разрушения. Но такой подход, когда во главу угла ставится движение для движения, разрушение ради разрушения, а консерватизм воспринимается в качестве «пугала», может привести только к анархии, хаосу, предупреждал ученый, за которым неизбежно последует тирания, что чревато гибелью свободы, во имя которой все и затевалось.

Поэтому Чичерин, настаивая на том, что свобода – «лучший дар, данный в удел человеку» – бесценна, был убежден, что она нуждается в охране или защите («консервации») со стороны власти не «ситуативно», а постоянно. Свобода, утверждал ученый, «...может жить только под сенью гражданского закона, повинуюсь власти его охраняющей. Власть и свобода точно так же нераздельны, как нераздельны свобода и нравственный закон. А если так, то всякий гражданин, не преклоняясь безусловно перед властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязан уважать существо самой власти» [9, с. 470], т. е. власть как идею, так сказать, в чистом виде.

Таким образом, именно в «примирении начала свободы с началом власти и закона» [Там же, с. 471] и состоит сущность «охранительного» либерализма. Иными словами, либерализм нуждается в консерватизме или «охранительных началах» как в своеобразном лекарстве, купирующем болезненные проявления в виде разгула «казачества», как в средстве, удерживающем общество от крайностей, чреватых его распадом. Ведь свобода – это хрупкий цветок, который может жить

только в атмосфере терпимости и уважения к чужой свободе, там, где она воспринимается как ценность. В противном случае свобода неизбежно погибнет. Отсюда – необходимость власти как начала, сдерживающего деструктивные элементы общества, как силы, стоящей на страже порядка и закона.

По замечанию Чичерина, чем меньше единства в обществе, тем сильнее должна быть власть, и наоборот. Необходимость в сильной власти особенно возрастает в переходные эпохи, когда затрагиваются интересы многих, в силу чего неизбежно разгораются страсти, споры, обостряются противоречия, а следовательно, ослабляется общественное единство.

Олицетворением и вместе с тем главным инструментом осуществления власти является государство. Следует отметить, что Чичерин, в отличие от классического либерализма, решительно отвергал сведение государства к сугубо функциональной, служебной роли. Как известно, классический либерализм отводил государству весьма скромную роль «ночного сторожа». Но и социальный либерализм, признавая необходимость расширения сферы деятельности государства, тем не менее продолжал рассматривать государство в качестве средства. Согласно же воззрениям Чичерина, государство – это не только юридический союз, «это – организм духовный», в котором воплощается сознание и воля народа как единого целого. А из этого следует, что государство является не только средством для личных целей граждан, для их счастья, оно есть не только внешнее учреждение, созданное для охранения прав и безопасности граждан, но вместе с тем является и само по себе целью, обладает самостоятельной ценностью.

Цель же государства, по мысли Чичерина, состоит в развитии его идеи, то есть в полном развитии и гармоничном сочетании всех его элементов, а именно: власти, закона, свободы, общего блага. А потому государство, руководствуясь общим благом, имеет право требовать от человека жертвы, ибо «назначение человека не есть только его собственное благоденствие, но и служение высшей цели, общему делу. Только этим служением человек достигает возможного для него совершенства...» [7, с. 16], к тому же в осуществлении общей пользы заключается и удовлетворение личных интересов. «Таким образом, – заключает он, – если, с одной стороны, государство служит средством для лица, то, с другой стороны, лицо служит средством для государства. Одно существует для другого» [7, с. 16].

Следует заметить, что подобный взгляд на государство, не согласующийся с позицией классического либерализма, позволяет некоторым исследователям отлучить Чичерина от либеральной традиции и причислить его в идейном смысле к консервативному направлению. Но для консерватора интересы государства, олицетворяющего собой порядок и стабильность – основополагающие ценности консерватизма, – безусловно выше интересов отдельной личности.

Чичерин же уравнивает ценности как государства, так и отдельной личности: «В государстве должен быть предоставлен надлежащий простор и правительственной деятельности и свободе граждан, оба элемента должны развиваться согласованно, не усиливаясь один в ущерб другому» [6, с. 573]. Поэтому взгляд некоторых исследователей на него как государственника, отводящего государству приоритетную роль, представляется абсолютно необоснованным.

Таким образом, Чичерин задолго до «веховцев» предупреждал о том, что «отщепенство» от государства, от своих корней приведет к анархии или «казачеству», венцом которой неизбежно станет тирания. Трагический опыт XX века, не усвоенный до конца, только подтвердил эту печальную закономерность. С.Л. Франк, размышляя над причинами крушения царской России, считал, что «духовная дряблость» русского либерализма, а точнее радикал-либерализма или, в терминологии Чичерина, «оппозиционного» либерализма, недостаточная обоснованность и философская неясненность им «духовных начал нации, государства, права и свободы» предопределили его неспособность противостоять разрушительным тенденциям, полагая, что истинный либерализм и истинный консерватизм неразрывно связаны друг с другом [5, с. 260–262]. Впоследствии Франк в своих трудах, как и «веховство» в целом, пытался заполнить эту лауну, раскрывая онтологические начала свободы, государства и права, подчеркивая органическую связь внешних форм жизни с внутренним духовным и культурным уровнем общества. Таким образом, можно сказать, что Россия выстрадала консервативный либерализм своим трагическим прошлым.

Следует заметить, что для самого Чичерина было важно идентифицировать себя именно с либеральным направлением. В статье «Различные виды либерализма» он писал, подчеркивая свою принадлежность к либерализму: «Мы, давнишние либералы, вскормленные на любви к свободе, радуемся новому либеральному движению в России» [9, с. 464]. В работе «Россия в начале двадцатого столетия», написанной в 1900 году и напечатанной по цензурным соображениям в Берлине, он дал самую

высокую оценку либеральным реформам Александра II, характеризуя их как «великое дело», как «величайший переворот» в русской истории, внесший в Россию «начала свободы и права».

Последовавшие затем в период царствования Александра III и продолженные в начале царствования Николая II контрреформы, подвергнувшие ревизии наследие Александра II, породили главное зло, писал Чичерин, разлагающее русское общество и понижающее его нравственный уровень, – это «необузданный произвол и лицемерное раболепство, где власть все, а общество ничего» [11, с. 589]. В таком случае какие-либо «гарантии для лица» отсутствуют.

Преследование же всякого независимого мнения, отсутствие свободомыслия в обществе неизбежно привело к появлению крайних, радикальных течений и возвращению России на прежний дореформенный путь, что чревато «какой-нибудь катастрофой». Либерализм, который теперь представляется власти опасным, оказался зажат между партией реакции – «холопящей ватагой», поколением «молодых подлецов», поющих «гимны правительству», восхваляя «все его самые вопиющие меры», и социализмом, который на тот момент, «пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным» [11, с. 575].

Характерной чертой общественной реакции было то, что она осуществлялась под патриотическим знаменем. Ее «вожатаем» стал журналист Катков, некогда либеральный писатель, с которым произошла удивительная метаморфоза: как только Александр II «пал жертвою убийц, так прежний льстец, считавший своим призванием прославлять мудрого монарха, обрушился на него со всей силою своего ядовитого

красноречия, осыпая ругательствами все совершенные им великие дела» [11, с. 555]. По мнению Чичерина, поднятое Катковым «патриотическое знамя окунулось в грязь. Оно перестало быть символом священных чувств и благородных стремлений; оно сделалось синонимом раболепства и притеснения» [11, с. 554].

Говоря о катастрофе, Чичерин не имел в виду что-то конкретное, поясняя, что она может быть как близкой, так и отдаленной, может быть вызвана как внутренними смутами, так и внешними событиями, памятуя о крымской катастрофе в конце царствования Николая I, которая послужила главным толчком к преобразованиям уже Александра II. Справедливости ради следует заметить, что Чичерин все-таки считал, что почвы для революции в России в то время не было, полагая, что ускорить процесс общественного сознания «апатичного» и «покорного» русского общества может скорее «внешняя катастрофа»: возможное столкновение между Россией и Францией, с одной стороны, и Германией во главе с Тройственным союзом – с другой. Отметим также, что для него было очевидно, что нигилизм, появившийся в царствование Александра II, – это отнюдь не порождение эпохи реформ, а прямой результат политики деспотического правления Николая I.

Положить предел бюрократическому произволу, с точки зрения Чичерина, можно только преобразовав неограниченную монархию в ограниченную, заменив произвольную власть властью, ограниченной законами и обставленной независимыми учреждениями, ибо «самодержавная власть русских царей превратилась в игрище личных интересов самого низменного свойства» [11, с. 610]. В этом он видит истинное завершение реформ Александра II:

знание, воздвигнутое царем-освободителем, должно быть увенчано конституцией, предоставляющей гражданские и политические права обществу. Именно в этом Чичерин видел задачу двадцатого столетия: «Иного исхода для России нет» [11, с. 608].

Как известно, Чичерин, будучи сторонником конституционной монархии, в период проведения реформ Александра II занял антиконституционную позицию, считая, что нельзя спешить с предоставлением политических свобод, полагая, что прежде чем участвовать в принятии решений на общегосударственном уровне, граждане должны пройти школу местного самоуправления, а иначе неизбежен хаос. Поэтому «...я предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству» [6, с. XIX].

Как видим, впоследствии он пересмотрел свое отношение к конституции по причине того, что русское общество благодаря реформам Александра II повзрослело, окрепло и встало на ноги, и больше не нуждается в опеке со стороны государства, так как «...неограниченная монархия есть образ правления, пригодный для младенческих народов, а отнюдь не для зрелых» [11, с. 609].

Следует отметить, что если в период проведения либеральных реформ, в условиях разгула «казачества», Чичерину приходилось защищать консерватизм во имя свободы, то в период контрреформ, в условиях разгула «кнута», потребовалась уже защита либерализма также ради свободы. Крен власти в сторону «кнута», к голому охранительству, когда «всякий независимый человек, не пресмыкающийся перед властью, в высших кругах считается у нас красным, он становится предметом подозрения» [11, с. 576], превратил государство

из защитника свободы в ее гонителя и душепшителя. Если в переходный период в условиях ослабленных общественных связей и незрелого гражданского общества, по мнению ученого, усиление власти оправдано и необходимо, так как существует реальная опасность потери управляемости и распада общества и государства, то чрезмерное усиление власти в условиях зрелого общества только умножает социальную напряженность, что чревато тем же распадом.

Таким образом, для Чичерина равно пагубно как пренебрежение охранительными началами, так и возведение их в абсолют: отрицание всякого движения, искусственное сдерживание общественной инициативы «близоруким деспотизмом» тормозит развитие общества, парализует его движение вперед, что грозит новыми потрясениями в более или менее отдаленном будущем. Поскольку впоследствии придется наверстывать упущенное время, и таким образом вновь возникнет необходимость в «крутом переломе».

Иными словами, для Чичерина консерватизм, не уравновешенный либерализмом, превращается в свою противоположность. Вместо того чтобы содействовать постепенному, но неуклонному движению общества вперед с опорой на «твердые основания», за которые «оно могло бы держаться, вокруг которых оно могло бы окрепнуть» [10, с. 442], он цепляется за то, что уже утратило свою жизнеспособность. А это равносильно строительству дома на песке, а следовательно, приводит общество к разрушению.

Необходимо подчеркнуть, что одна из последних работ Чичерина «Россия в начале двадцатого столетия», которую можно рассматривать как квинтэссенцию его политических взглядов и своего рода полити-

ческое завещание, подписана весьма красноречиво: «Русский патриот», коим он в действительности и был, таковым он останется и в нашей памяти. Как истинного патриота, любящего свое отечество, его волновала судьба страны, которую он хотел видеть свободной и процветающей, полагая, что единственный путь спасения ее от «потоков крови и гибели многих поколений» [11, с. 614] – это путь охранительного либерализма, принципам которого он оставался верен до конца своей жизни.

Философия охранительного либерализма, будучи пропитана пафосом свободы, в то же самое время, в отличие от радикал-либерализма, не считает государство «злом», пусть и необходимым, а рассматривает его в качестве положительной ценности, являющейся, в свою очередь, важным условием осуществления свободы личности. Поздний славянофил И.А. Аксаков в полемике с «пошлым» либерализмом напишет: «...истинно либерально только то, что несет в себе охраняющий государство элемент, т. е. консервативное начало» (цит. по: [4, с. 252]).

Подобно тому, как растение, вырванное из почвы, погибает, либерализм, не укорененный в традиции, творчески бесплоден: он только разрушает, но не созидает. А это означает, что общество неотвратимо будет отброшено назад – к «постылому» прошлому, от которого хотели избавиться, но, увы, к низшему уровню его развития. Таким образом, либерализм нуждается в «охранительных началах» или консерватизме как в «твердой точке опоры», благодаря которой он приобретает прочность и силу, т. е. способность защищать собственные ценности.

Итак, охранительный или консервативный либерализм есть не что иное, как поиск баланса между либеральными и консер-

вативными ценностями, выработка срединной линии как в мировоззренческом, так и социальном аспектах, борьба с крайностями, свойственными русскому человеку, для которого принцип «все или ничего» в значительной степени определяет линию поведения. В чувстве «меры и границ» – вот в чем нуждалась и нуждается Россия как во времена Чичерина, так и в нынешние – это то, что позволит ей беспрепятственно пройти между Сциллой «казачества» и Харибдой «кнута».

Литература

1. Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. – 2006. – № 1. – С. 175–182.
2. Либерализм в России: сборник / под ред. В.Ф. Пустарнакова. – М.: ИФ РАН, 1996. – 451 с.
3. Прилепский В.И. Консерватизм // Русская философия. Словарь. – М.: Республика, 1999. – С. 235–236.
4. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 440 с.
5. Франк С.А. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
6. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1899. – 810 с.
7. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – Ч. 1. – М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерова и К°, 1894. – 367 с.
8. Чичерин Б.Н. Вопросы философии. – М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерова и К°, 1904. – 385 с.
9. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С. 462–472.
10. Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? / Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С. 439–462.
11. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия / Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С. 542–616.

THE PHILOSOPHY OF CONSERVATIVE LIBERALISM AS THE CREDO OF A RUSSIAN PATRIOT

T.I. Zaytseva

Nobosibirsk State Technical University

tatyanazaiceva@mail.ru

Recently in modern Russian discourse liberalism is given the marginal status due to its alleged alienation set to Russian civilizational code. Conservatism, which is in fashion today, is opposed to liberalism. The purpose of this article is to emphasize that one of the peculiarities of Russian liberalism is the presence of a significant concept of the conservative elements. The focus of the author is the socio-philosophical concepts of B. N. Chicherin, one of the pillars of Russian liberalism, who developed of the concept of conservative liberalism. The essence of this concept is the combination of freedom and power, progress and tradition. Chicherin is emphasizes individual freedom as a fundamental value, which is the necessary basis of the true human existence. But at the same time, he does not consider the state and the power as “evil”, considering them as positive values, which, in turn, is an important condition for the exercising of individual freedom. The article explains the situation about the importance of balance between the values of liberalism and conservatism, preventing society from the extremes.

Key words: freedom, authority, government, liberalism, conservatism, conservative liberalism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-53-60

References

1. Zajceva T.I. *V zashchitu russkogo liberalizma [In defense of the Russian liberalism]* / Political studies. Moscow, 2006. № 1, pp. 175–182.
2. *Liberalizm v Rossii: sbornik [Liberalism in Russia: proceedings]* Pod red.: Pustarnakova V.F. [edited by: Pustarnakov]. Moscow, 1996. 451 p.
3. Prilenskij V.I. *Konservativizm [Conservatism]* / Russkaja filosofija. Slovar' [Russian philosophy. Dictionary]. Moscow: Republic Publ., 1999, pp. 235–236.
4. *Russkij konservativizm XIX stoletija: Ideologija i praktika [Russian conservatism of the XIX century: Ideology and practice]*. Pod red. Grosula V.Ja. [edited by Grosul V.Ja]. M.: Progress – Tradicija [Moscow: Progress – Tradition Publ.], 2000. 440 p.
5. Frank S.L. *Dubovnye osnovy obshhestva [The spiritual foundations of society]*. Moscow: Respublika Publ., 1992. 510 p.
6. Chicherin B.N. *O narodnom predstavitel'stve [About national representation]*. Moscow, 1899. 810 p.
7. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoj nauki [The course of the state science]*. V. 1. Moscow : tipografija tovarishhestva I.N. Kushnereva i K°. [printing partnership I.N. Kushnereva and K° Publ.]. Moscow, 1894. 367 p.
8. Chicherin B.N. *Voprosy filosofii [The questions of philosophy]*. M.: tipografija tovarishhestva I.N. Kushnereva i K°. [printing partnership I.N. Kushnereva and K Publ.]. Moscow, 1904. 385 p.
9. Chicherin B.N. *Razlichnye vidy liberalizma [The different kinds of liberalism]* / Filosofija prava [Philosophy of law]. SPb.: Nauka [St. Petersburg: Sciens Publ.], 1998, pp. 462–472.
10. Chicherin B.N. *Chto takoe ohranit'nye nachala? [What is the guarding foundations?]* / Filosofija prava [Philosophy of law]. SPb.: Nauka [St. Petersburg: Sciens Publ.], 1998. – P. 439–462.
11. Chicherin B.N. *Rossija nakanune dvadcatogo stoletija [Russia before the twentieth century]* / Filosofija prava [Philosophy of law]. SPb.: Nauka [St. Petersburg: Sciens Publ.], 1998, pp. 542–616.